

Религиоведение. 2022. № 1. С. 5–14.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2022. No. 1. P. 5–14.

DOI: 10.22250/20728662_2022_1_5

Лысенко Ю.А.

*Алтайский государственный университет
656032 Россия, г. Барнаул, проспект Ленина, 61
iulia_199674@mail.ru*

Региональные органы власти в имперском исламском дискурсе второй половины XIX в. (на примере генерал-губернатора Оренбургского края Н.А. Крыжановского)

Аннотация. В статье на основе источников делопроизводства центральных и региональных органов власти Российской империи реконструируются взгляды генерал-губернатора Н.А. Крыжановского по «мусульманскому вопросу», актуальность которого возросла в середине XIX в., что было связано с увеличением численности мусульманского населения империи, ростом его этносазнания и необходимостью, в связи с этим, установления контроля за деятельностью исламских религиозных институтов. Н.А. Крыжановский выступил активным участником многолетней межведомственной дискуссии как руководитель одного из крупнейших мусульманских анклавов Российской империи – Оренбургского генерал-губернаторства. В ходе неё обозначилась позиция генерал-губернатора как яркого исламофоба. В частности, он выступал инициатором ужесточения религиозной политики государства в отношении ислама посредством установления правительственного контроля за деятельностью Оренбургского мусульманского духовного собрания, процессом открытия мечетей и мусульманских школ, русификации мусульманского духовенства, распространения российской системы образования, внутриконфессионального разъединения башкир и казахов. Большинство предложенных Н.А. Крыжановским реформ нашли практическое воплощение и были утверждены на законодательном уровне.

Ключевые слова: ислам, Российская империя, региональные органы власти, правовое регулирование, Оренбургское мусульманское духовное собрание

Yulia A. Lysenko

*Altai State University
61 Lenin avenue, Barnaul, 656032, Russia
iulia_199674@mail.ru*

Regional Authorities in the Imperial Islamic Discourse of the Second Half of the 19th Century (On the Example of a Governor-General of the Orenburg Region N.A. Kryzhanovsky)

Abstract. On the basis of the records of the central and regional authorities of the Russian Empire, the article reconstructs the views of a Governor-General N.A. Kryzhanovsky on the “Muslim issue”. Its actualization in the middle of the 19th century was associated with an increase in the number of the Muslim population of the empire, the growth of their ethnic consciousness and the need, in this regard, to establish control over the activities of Islamic religious institutions. N.A. Kryzhanovsky was an active participant in a long-term interdepartmental discussion, as the head of one of the largest Muslim enclaves of the Russian Empire – the Orenburg Governorate-General. During it, the position of the Governor-General as an ardent Islamophobe was identified. In particular, he initiated the tightening of the state's religious policy towards Islam, through the establishment of government control over the details of the Orenburg Muslim Spiritual Assembly, the process of opening mosques and Muslim schools, the Russification of Muslim clergy, the spread of the Russian education system, and the intra-confessional separation of the Bashkirs and the Kazakhs. Most of the reforms proposed by N.A. Kryzhanovsky found practical implementation and were approved at the legislative level.

Key words: Islam, Russian Empire, regional authorities, legal regulation, Orenburg Muslim Spiritual Assembly

К середине XIX в. завершалось формирование Российской империи как полиэтнического и поликонфессионального государства. К этому периоду уже были сформированы и законодательно закреплены государственные принципы религиозной политики. В их основе находилась идея веротерпимости при сохранении в имперском религиозном пространстве привилегированного положения православия¹ [Львов, 1914, 12–14; Сафонов, 2011, 28–40]. В отношении других конфессий (католицизма, протестантизма, иудейства, буддизма, старообрядчества) на протяжении первой половины XIX в. религиозная терпимость государства проявлялась достаточно специфично. Это выражалось в колебаниях правительственного курса от либерализации религиозного законодательства до его ужесточения и ограничения прав конфессий, что было связано с переплетением религиозного вопроса в Российской империи с проблемами национальных отношений («польский вопрос», «еврейский вопрос», «инородческий вопрос» и т.д.) [Лысенко, Лысенко, 2016, 109–112; Тихонов, 2007].

В ходе разработки религиозного законодательства первой половины XIX в. самодержавная власть уделяла сравнительно мало внимания жизни «мусульманского мира» Российской империи. Как отмечается в историографии, «мусульманский вопрос» не выступал автономной сферой государственного регулирования. Функционирование Оренбургского мусульманского духовного собрания продолжалось в этот период на основе нормативно-правовых актов, принятых ещё в эпоху Екатерины II. В региональном срезе принимались решения локального характера, не носившие ограничительного характера [Арапов, 2004].

Ситуация стала изменяться в связи с присоединением к России в 50–60 гг. XIX в. мусульманских анклавов – Кавказа, Степного края и Туркестана – и увлечением численности мусульманского населения империи. Территориальные приобретения в Центрально-Азиатском регионе значительно увеличили протяжённость российско-китайской границы. Ограничительная религиозная политика китайского правительства в отношении мусульманских народов провинции Синьцзян приводила к регулярным антиправительственным волнениям в первой половине XIX в. в форму Газавата [Моисеев, 2003, 70–71]. Фактор границы юго-восточных рубежей Российской империи с мусульманским Синьцзяном не мог не учитываться в дальнейшей внутренней политике государства.

Кроме этого, к середине XIX в. в Поволжском регионе России ярко обозначились тенденции «значительного отпадения крещёных татар обратно в мусульманство» и переселения мусульман-татар в Османскую империю. Причиной миграций, по мнению политической элиты, стало распространение слухов турецких агентов о том, что планируется насильственное обращение мусульманских народов России в православие. Анализ ситуации, проведённый региональными органами власти, показал, что проявлению данных тенденций во многом способствовали татарские и башкирские муллы, деятельность которых оставалась бесконтрольной со стороны государства [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 9–9об.].

Внутренние и внешние факторы, связанные с тенденциями развития мусульманского мира Российской империи, не могли не вызывать определённые опасения у её руководства и провоцировали рост исламофобских настроений в российском обществе. Со временем сформировалось представление о необходимости принятия решительных мер, направленных на ограничение распространения ислама в империи. Всё это привело к возникновению дискурса о дальнейшей судьбе ислама в империи и содержании реформ в сфере мусульманского законодательства, инициатором которого в 1861 г. выступил Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. К обсуждению данной проблемы были привлечены руководители регионов с преобладающим мусульманским населением. Одним из них стал генерал-губернатор Оренбургского края Н.А. Крыжановский. Анализу его позиции в сфере государственно-правового регулирования ислама посвящена данная статья.

Основными источниками для подготовки статьи выступили материалы делопроизводства центральных и региональных органов власти Российской империи – МВД и его Департамента духовных дел иностранных исповеданий, Канцелярии оренбургских генерал-губернаторов, – хранившиеся в РГИА. Среди них: межведомственная переписка, донесения, рапорты, отчёты. Основными делопроизводственными доку-

ментами выступили донесения и всеподданнейшие отчёты генерал-губернатора Н.А. Крыжановского в МВД. В них чиновник представлял результаты работы Особой комиссии, созданной для анализа религиозной ситуации в Оренбургском крае, её законодательские инициативы, направленные на ограничение распространения ислама в регионе. В донесениях и отчётах содержатся пространные комментарии Н.А. Крыжановского по целому спектру вопросов: деятельности Оренбургского мусульманского духовного собрания и мулл, корректировки правил открытия исламских культовых и учебных заведений, паломничества мусульман. Всё это позволяет, в целом, реконструировать взгляды администратора по вопросу о направлениях реформирования жизни мусульманских общин Российской империи. Работа основывается на цивилизационном подходе с использованием историко-генетического и историко-системного методов.

Следует отметить, что в историографии достаточно детально разработаны вопросы, связанные с анализом религиозной политики Российской империи в отношении мусульманского населения, её региональных практик [Арапов, 2003; Арапов, 2006; Ланда, 1995; Каппелер, 2003; Усманова, 2004]. Однако работ, целью которых является изучение взглядов региональных чиновников на «мусульманский вопрос» и их влияния на конкретные механизмы реализации государственной религиозной политики, в историографии не много. В связи с этим, представленная статья позволит восполнить историографический пробел и существенно расширить представления о содержании дискуссии центральных и региональных органов власти, выявить их расхождения и точки соприкосновения в вопросах реформирования жизни мусульманских общин Российской империи во второй половине XIX в.

Оренбургское генерал-губернаторство в середине XIX в. включало огромные территории Южного Урала и степей Западного Казахстана и являлось, таким образом, одним из крупнейших мусульманских анклавов Российской империи, населённым мусульманами – башкирами и казахами. Этим объясняется факт привлечения в 1861 г. оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского к межведомственной дискуссии, инициированной Департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД. К обсуждению предлагался целый спектр вопросов – система управления мусульманами, правила назначения на должности мулл и строительства культовых и образовательных учреждений мусульман, вакуфы, паломничество к святым местам [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 7об–11].

Центральное место в обсуждении центральных и региональных органов государственной власти было отведено Оренбургскому духовному мусульманскому собранию (ОДМС). Как известно, данный институт, учреждённый ещё в 1788 г., контролировал и регулировал жизнь мусульман Российской империи. К 60-м гг. XIX в. стало очевидно, что нормативно-правовая база, определявшая его функционал, совершенно не соответствовала реалиям времени. Именно поэтому МВД обратилось к оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому с предложением оценить и пересмотреть российское законодательство, регулирующее функционирование ОДМС, разработать проект новых правил его деятельности, в том числе вопросы назначения данным духовным органом на должность мулл, условий строительства мечетей и т.д. [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 2].

Генерал-губернатор сразу же направил чиновника оренбургской администрации в Уфу, где располагалось ОДМС, с целью проведения ревизии его деятельности. Также Н.А. Крыжановский запросил отчёт от оренбургского муфтия М. Тевкелева с подробным анализом функционала, направлений и результатов работы Духовного ведомства. По итогам детального рассмотрения представленных отчётов, Н.А. Крыжановский пришёл к заключению о том, что Оренбургское духовное мусульманское собрание не соответствует новым веяниям и тенденциям религиозной политики государства [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 39–40]. В связи с этим он впервые среди администраторов, возглавлявших регионы Российской империи с мусульманским населением, выступил инициатором упразднения данной структуры и стал, таким образом, ярким странником создания системы сдержек и противовесов укреплению позиций ислама на законодательном уровне².

Позиция Н.А. Крыжановского обрела законченное оформление в его Всеподданнейшем отчёте о состоянии края в 1865 г. Составной частью отчёта стал «Очерк

состояния исламизма в крае», в котором чиновник раскритиковал длительность ОДМС, обвинив мусульманское духовенство в деятельности, подрывавшей авторитет российской власти. В категоричной форме чиновник заявил в Очерке о том, что оставлять и дальше без внимания со стороны государства развитие и укрепление ислама крайне опасно и что настало время, не нарушая принципа веротерпимости, принять комплекс мер, направленных на повышение лояльности мусульманского духовенства правительству [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 7].

Программа мероприятий, предложенная Н.А. Крыжановским, содержала конкретные предложения правительству, реализация которых, по мнению чиновника, должна была поставить под контроль исламские институты. При этом чиновник был убеждён, что сначала необходимо привести преобразования в работе ОДМС, а затем «от его имени» проводить более развёрнутые реформы жизни мусульманских общин Российской империи. В частности, в состав ОДМС Н.А. Крыжановский предложил назначать русских чиновников и вменять им в обязанность контролировать работу Собрания, участвовать во всех его заседаниях и нормотворческой деятельности, наблюдать за «правильным делопроизводством» и за ведением отчётности. Назначаемые на должность муллы должны были, по его предложению, подвергаться испытаниям на знание русского языка, с тем, «чтобы умели читать и писать по-русски, с тем чтобы метрические книги велись только на русском языке» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 8об.].

В 1867–1868 гг. Н.А. Крыжановский продолжал критиковать работу и функционал ОДМС. В одном из ответов на очередной запрос МВД он отмечал, что существующие правила квалификационных экзаменов на знание ислама кандидатов на духовные звания в Оренбургском мусульманском духовном собрании не соответствуют главной, по его мнению, задаче – подготовке лояльных российской власти мулл. Поэтому он считал, данные экзамены являются «бесполезной и стеснительной формальностью» и предложил их отменить [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 17об.]. Критиковал Н.А. Крыжановский и то, что ОДМС не располагало действенными механизмами контроля за деятельностью мулл. Сделать ОДМС более преданным правительству он предложил посредством ужесточения требований к членам ОДМС и их функционалу – назначению в его состав «лиц, знающих русскую грамоту, впоследствии только тех, кто закончил гимназический курс». Также он рекомендовал всё делопроизводство ОДМС проводить на русском языке; рассмотрение дел в ОДМС проводить коллегиально [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 8об.].

Существенным недостатком законодательства, регламентировавшего деятельность ОДМС и мулл, по мнению генерал-губернатора, выступало отсутствие разграничений между духовными и административными/светскими обязанностями мулл. Фактически, в действующем религиозном законодательстве не разграничивались духовные и светские обязанности мулл. Таким образом, по мнению чиновника, муллам передавалась часть общеадминистративной власти, что было неправильно с политической точки зрения. Он также считал необходимым предоставить правительственным органам право преследовать и предавать суду мусульманское духовенство за поступки и преступления, нарушающие их обязанности в отношении к правительству, т.н. преступления по должности [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 18].

По мнению администратора, несовершенным был и существовавший порядок ведения муллами метрических книг, в связи с чем настаивал на изъятии у них данных функций. Таким образом, Н.А. Крыжановский видел главную цель реформы ОДМС в сохранении во всей полноте начал веротерпимости в стране, отделении дел о веротерпимости от дел управления, и ограничении, таким образом, функций ОДМС [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 18–18об.].

В 1867–1868 гг. готовился новый виток административно-территориальных реформ в казахской степи, связанный с образованием Уральской и Тургайской областей и передачей их в состав Оренбургского генерал-губернаторства, Н.А. Крыжановский принимал активно участие в разработке Временного положения об управлении краем, которое предусматривало, в том числе, регулирование жизни мусульманских общин. Администратор считал более отвечающим государственным интересам разделение мусульман региона и исключение возможности их интеграции на ре-

лигиозной почве. Поэтому в своём варианте проекта он предлагал различные принципы организации жизни башкир, казахов и мусульман Туркестанской области, которая на тот период также входила в состав Оренбургского генерал-губернаторства.

Так, в отношении мусульман-башкир главную задачу государства Н.А. Крыжановский видел в необходимости ужесточения контроля за их религиозной жизнью. С целью формирования лояльной правительству прослойки духовных лиц администратор предлагал ввести для башкирских мулл образовательный ценз на знание русского языка, требование об окончании ими курса русской гимназии, обязательность утверждения их в духовном звании не только Оренбургским мусульманским духовным собранием, но и гражданскими губернаторами с назначением жалования. Оклады предлагалось сделать значительными для того, чтобы мусульманское духовенство не испытывало материальных затруднений и дорожило бы работой. Н.А. Крыжановский выступал сторонником жёсткого государственного контроля за процессом открытия новых культовых и духовно-образовательных учреждений среди башкир и приведения в соответствие с законодательством численности уже действовавших мечетей – 1 мечеть на 500 душ мужского пола [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 9об.].

В отношении казахов Уральской и Тургайской областей программа Н.А. Крыжановского основывалась на его убеждённости в том, что у них религиозный фанатизм развит слабее, чем у других мусульман Российской империи. Это было связано с особенностями кочевого образа жизни, исключавшего возможность массового строительства мечетей и содержания при них указных мулл. Поэтому генерал-губернатор, по сути, первым из региональных чиновников предложил курс на «ограждение казахов от фанатизма и вредных последствий мусульманства». Его программа сводилась к следующим пунктам: 1. Ввести образовательный ценз на знание русского языка и назначать в систему местного самоуправления казахов, окончивших школы Министерства народного просвещения, знающих русский язык и письменность; 2. Не запрещая казахам паломничества в Мекку и Медину, стремиться к ограничению их численности; 3. Осуществлять строгий контроль за проживающими в степи среди казахов татарских и среднеазиатских мусульманских проповедников; 4. Запретить башкирским и татарским муллам принимать к себе на обучение казахских юношей; 5. Запретить должностным лицам системы местного самоуправления держать письмоводителей – татар или башкир; 6. Изъять религиозные дела казахов из ведения ОДМС [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 11].

В отношении мусульман Туркестанской области Н.А. Крыжановский считал более рациональным следовать курсу «игнорирования ислама и исламских институтов» и ограничивать попытки мусульманского духовенства региона в его стремлении расширить сеть мусульманских образовательных учреждений. Свой во многом умозрительные убеждения чиновник строил на том, что религия у коренного населения Туркестана «составляет второстепенную потребность», главным образом потому, что население, особенно сарты-жители городов, «заботятся прежде всего о своих материальных выгодах» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 11об.].

Все проектируемые Н.А. Крыжановским мероприятия в области ограничения распространения ислама в Оренбургском крае и ужесточения контроля за исламскими институтами были направлены в МВД и в последующем были учтены при разработке новых законодательных актов по данному вопросу. В начале 1875 г. Госсовет и МВД вновь инициировали очередную межведомственную дискуссию о направлениях реформирования ОДМС, пригласив к участию Н.А. Крыжановского. Последний на основании заключений военных губернаторов областей представил доклад на имя министра внутренних дел. В нём он назвал Оренбургское мусульманское духовное собрание «учреждением, искусственно созданным правительством» «противоречащим закону ислама» и потому требующим упразднения. В случае ликвидации ОДМС он предлагал все дела, принадлежавшие светской власти (дела о предании духовных лиц суду, ведение метрических книг и пр.) передать в правительственные органы; сохранить должность муфтия, оставив в его компетенции надзор за подчинёнными ему духовными лицами, дела о порядке богослужения, об обрядах и отправлении религиозных треб, брачные дела [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 156об.].

В докладе на имя министра внутренних в 1875 г. Н.А. Крыжановский продолжал придерживаться позиции сокращения влияния и численности мусульманского духовенства и превращения его в лояльно настроенную правительству России часть мусульманского общества. В связи с этим он предлагал утверждать в должности мулл государственными региональными органами – губернскими администрациями, при сохранении за ОДМС права «испытания в знании религии», а также содержать муфтия за счёт государственных средства. Принимая во внимание главный принцип религиозной политики государства – веротерпимость, – Н.А. Крыжановский в докладе заявлял о возможности предоставления мусульманскому населению полной свободы в вопросах постройки мечетей, при условии, что постройки молитвенных зданий соответствовали российскому законодательству, регламентирующем строительство общественных зданий. Таким образом, администратор выступил за отмену законов, ограничивавших строительство мечетей «известным числом прихожан» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 156об.].

Следует отметить, что итогом правительственной дискуссии о направлениях реформирования системы управления мусульманским населением Российской империи стало сохранение ОДМС. Во многом это было связано с тем, что позицию Н.А. Крыжановского о необходимости его ликвидации не поддержал ряд генерал-губернаторов регионов с преобладающим мусульманским населением. В частности, они считали, что «при фанатичном настроении многочисленного мусульманского населения нашей Восточной окраины <...>, было бы ныне неосторожно приступать к каким-либо коренным изменениям мусульманских духовных управлений» [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 155].

В заключении МВД, завершившем многолетнюю межправительственную дискуссию, предлагалось «принятие некоторых частных мер», направленных на уменьшение вредного влияния исламизма на инородческое население и ослабление противодействия правительству со стороны мусульманского духовенства [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 50]. К числу данных мер, закреплённых законодательно в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в., были отнесены ужесточение контроля со стороны региональной администрации за детальностью ОДМС, введение образовательного ценза для мулл с обязательным знанием ими русского языка, внесение поправок в Строительный устав, закрепивший правила строительства мечетей, отказ от создания самостоятельного муфтията для казахов Степного края и коренного населения Туркестана [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 55].

Ужесточение контроля за детальностью ОДМС планировалось осуществлять посредством введения в его состав российского чиновника. По решению Государственного совета, именно Н.А. Крыжановскому, как администратору, в региональном подчинении которого находилось ОДМС, было поручено разработать для него особую инструкцию [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 57об.]. На основании данной инструкции российский представитель наделялся наблюдательной и контролирующей функциями, что выражалось в осуществлении «контроля за тем, какие дела поступают в ОДМС, не принимает ли собрание на совете рассмотрение таких дел, которые на основании действующего законодательства должны рассматриваться в общих судебных местах по российским законам, не допускает ли собрание каких-либо несогласованных с законом распоряжений, в надлежащем ли порядке ведутся в собрании метрические книги, принимаются ли жалобы от мусульманского населения на чиновников ОДМС». Чиновнику также вменялось в обязанность не менее двух раз в год производить на месте ревизию деятельности ОДМС, о всех выявленных нарушениях докладывать оренбургскому генерал-губернатору [РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 111об. –115].

Важным направлением политики Российской империи в контексте ограничения влияния ислама Н.А. Крыжановского считал развитие системы российского светского образования. К началу 70-х гг. XIX в. для казахов Уральской и Тургайской областей функционировало 16 начальных школ (по 8 в каждой области) и 7 школ – во Внутренней (Букеевской) орде. Вполне очевидно, что региональная власть считала такое количество школ крайне незначительным для создания эффективного противодействия влиянию ислама [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 2].

Н.А. Крыжановский в переписке с центральными ведомствами неоднократно акцентировал внимание на том, что мусульманская пропаганда среди казахского населения крайне успешна и не встречает никаких препятствий для распространения. Данную ситуацию он считал неприемлемой, «вредной» и призывал правительство приложить все меры для устранения мусульманского влияния в Степном крае. Действенный механизм решения данной задачи виделся им в развитии среди инородцев «общечеловеческих понятий, нравственных начал и русских убеждений», т.н. развития народного образования, способного выступить альтернативой мусульманскому образованию [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 5об.].

В одном из всеподданнейших отчётов Н.А. Крыжановский отмечал необходимость создания в степи сети государственных начальных школ и параллельной подготовки учительских кадров. Всякое промедление в этом вопросе администратор считал вредным и пагубным для государственных интересов. Ситуация, по его мнению, усугублялась тем, что всё пространство от Казани до Тянь-Шань представляло регион, заселённый непрерывно несколькими миллионами мусульман, которые видели в христианах своих естественных врагов [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 2]. Поэтому администратор считал необходимым принятию пакета мер, направленных на противодействие интеграции российских мусульман, искоренения в них «духа изуверства», возрождения в них симпатии к русским-православным, их взаимного сближения. Достигнуть всего этого можно было, как он подчёркивал, лишь путём умственных убеждений через сеть правительственных школ [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 2].

В 1872 г. по его инициативе в Оренбурге была учреждена особая Комиссия, целью работы которой стала разработка стратегии формирования сети инородческих школ для мусульманского населения края. При этом центральной задачей виделась необходимость подготовки педагогических кадров для них. В принципах и подходах к организации учительских школ ярко отразились исламофобские взгляды Н.А. Крыжановского. По заключению Комиссии, учительские кадры должны готовиться из среды самих инородцев [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 6]. Члены Комиссии также отвергли идею совместного обучения будущих башкирских и казахских учителей. Крыжановский ещё в 1868 г. в записке министру народного образования подчёркивал, что, согласно Временному положению об управлении степными областями, духовные дела казахов-мусульман были изъяты из функционала ОДМС, и предлагал в связи с этим продолжать курс на разъединение народов, исповедующих ислам, по всем направлениям, в том числе и в вопросах подготовки учительских кадров [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 7]. Главная угроза совместного обучения представителей двух этносов виделась в том, что «башкиры отатарились и омагометанились влиянием казанских татар посредством многочисленного духовенства и действовавшего на народ через посредство множества магометанских школ». Что касается казахского населения, Комиссия полагала, что оно не подверглось к 70-м гг. XIX в. ещё сильному влиянию мусульманской пропаганды и оставались «равнодушными к религиозным верованиям» [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 6об.]. Комиссия высказалась категорически против введения в курс обучения татарского языка из-за угрозы последующего «отатаривания степи, что шло в разрез с целью учреждения учительских школ» [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 10].

Численный состав учительских школ Комиссия предложила определить из принципа – один учитель на одну волость. Исходя из того, что в Уральской и Тургайской областях было по 31 волости и 36 старшинств – во Внутренней орде, общее количество учеников учительской школы должно было составить 98 казахских мальчиков. Ежегодно в низший класс предлагалось принимать не менее 25 учащихся, которые со временем решили бы кадровую проблему для открывающихся народных инородческих училищ в казахской степи. Для казахского населения Тургайской области предлагалось открыть учительскую школу в г. Оренбурге, для казахов Уральской области и Внутренней орды в г. Уральске. Финансовое содержание учительских школ рекомендовалось возложить на государство, так как «никаких местных источников на покрытие расходов вовсе не имеется» [РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 11об.].

В феврале 1873 г. Н.А. Крыжановский выступил с инициативой создания для казахского языка алфавита на основе кириллицы. Он придавал этому делу ог-

ромное политическое значение, считая крайне необходимым изъятие из обращения татарской письменности на основе арабской графики и внедрения нового алфавита в российских начальных школах [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1873 г. Д. 6. Л. 1]. В письме министру внутренних дел от 27 февраля 1873 г. от подчёркивал, что «целью дела является сближение киргизов с русским населением». Алфавит должна была разработать Особая комиссия, созданная в Казани. Для её работы Н.А. Крыжановский направил представителей казахского этноса волостного управителя Ирджана Чулакова, делопроизводитель Тургайского уездного управления, хорунжего Ибрагима Алтынсарина³, старшего помощника Николаевского уездного начальника, штаб-ротмистра Сейдаллина [РГИА. Ф. 1291. Оп. 82. 1873 г. Д. 6. Л. 1]. Следует отметить, что планы Н.А. Крыжановского по созданию сети инородческих школ для казахского населения нашли реальное воплощение. К 1898 г. только в Тургайской области насчитывалось 72 русско-киргизские школы, 18 из которых имели интернаты для проживания казахских детей и проектировалось к открытию ещё 28 школ [РГИА. Ф. 733. Оп. 172. Д. 246. Л. 267об.].

Таким образом, к середине XIX в. в Российской империи наметилась яркая тенденция к унификации религиозного законодательства и установлению контроля за деятельностью исламских религиозных институтов. Это было связано с факторами внутреннего и внешнего порядка: увлечением численности мусульманского населения империи в связи с присоединением Кавказа, Степного края и Туркестана, ростом их этносознания, появлением общей границы в мусульманскими регионами – китайской провинцией Синьцзян, Бухарским эмиратом и Хивинским ханством.

Необходимость изменения религиозного законодательства по «мусульманскому вопросу» инициировала продолжительную по времени межведомственную дискуссию, к которой были привлечены центральные и региональные органы власти. Н.А. Крыжановский выступил её активным участником как руководитель одного из крупнейших мусульманских анклавов Российской империи – Оренбургского генерал-губернаторства. В ходе обсуждения вопросов, связанных с дальнейшими перспективами развития мусульманских общин, обозначилась позиция генерал-губернатор как яркого исламофоба. В частности, он выступил инициатором ужесточения религиозной политики государства в отношении ислама, предложив программу конкретных мероприятий в данном направлении. Среди них: установление правительственного контроля за деятельностью Оренбургского мусульманского духовного собрания, русификация мусульманского духовенства, сдерживание процесса открытия новых культовых и образовательных учреждений мусульман, распространение российской системы образования, внутриконфессиональное разъединение посредством изъятия духовных дел казахов-мусульман из компетенции ОДМС. Большинство предложенных Н.А. Крыжановским реформ нашли практическое воплощение и были утверждены на законодательном уровне.

Благодарность

Работа выполнена за счёт средств гранта РФФ (проект №19-18-00023).

Acknowledgement

The research is supported by a grant of the Russian Science Foundation, project № 19-18-00023.

Список сокращений

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий

МВД – Министерство внутренних дел

ОДМС – Оренбургское мусульманское духовное собрание

РГИА – Российский государственный исторический архив

РФФ – Российский научный фонд

Библиографический список

1. Арапов, Д.Ю. Россия и мусульманский мир / Д.Ю. Арапов // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – Т. 7. (155). – 327 с.
2. Арапов, Д.Ю. Мусульманский мир в восприятии верхов Российской империи / Д.Ю. Арапов // Вопросы истории. – 2005. – № 4. – С. 132–137.
3. Арапов, Д.Ю. Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII–начало XX в.): сборник статей / Д.Ю. Арапов. – М.: Наталис, 2006. – 479 с.
4. Каппелер, А. Две традиции в отношениях России к мусульманским народам Российской империи / А. Каппелер // Отечественная история. – 2003. – № 2. – С. 129–136.
5. Ланда, Р.Г. Ислам в истории России / Р.Г. Ланда. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1995. – 311 с.
6. Львов, В.Н. Правовое положение церкви православной в русском государстве / В.Н. Львов. – СПб.: Гос. тип., 1914. – 36 с.
7. Лысенко, Ю.А. Правовое положение мусульман центральноазиатском окраин Российской империи и «мусульманский вопрос» в системе администрирования региона / Ю.А. Лысенко, М.Ф. Лысенко // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – С. 109–112.
8. Моисеев, В.А. Россия и Китай в Центральной Азии / В.А. Моисеев. – Барнаул: Азбука, 2003. – 187 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 170. Д. 726. Л. 2, 5об., 6, 7, 10, 11об.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 172. Д. 246. Л. 267об.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 611. Л. 7об–11, 9–9об., 39–40, 155, 156 об.,
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 616. Л. 2, 8об., 9об., 11, 11об., 17об., 18–18об., 50, 55, 57об., 111об. –115.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1291. Оп. 82. 1873 г. Д. 6. Л. 1.
14. Сафонов, А.А. Государство и Церковь в имперской России: правовые аспекты взаимоотношений / А.А. Сафонов // Государство, церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: IX Румянцевские чтения. – М.: Издательство Российского государственного торгово-экономического университета, 2011. – С. 28–40.
15. Тихонов, А.К. Католики, мусульман и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начал XX в. / А.К. Тихонов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. – 352 с.
16. Усманова, Д.М. Российские мусульмане в правовом пространстве империи: соотношение общеперского и мусульманского права в государственной доктрине на рубеже XIX–XX вв. / Д.М. Усманова // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Проблемы реализации законодательства о свободе совести и религиозных объединениях в отношении российских, мусульман». – М.: РУДН, 2004. – Вып. 1. – С. 34–47.

Текст поступил в редакцию 24.09.2021.

Принят к публикации 17.01.2022.

Опубликован 29.03.2022.

¹ На практике данный курс выражался в позиционировании православия как государственной идеологии, с предоставлением Русской православной церкви неограниченной публичности осуществления религиозных церемоний и процессий, возможности официального участия в государственной и общественной жизни Российской империи. В национальных окраинах страны ей гарантировалась возможность расширения влияния посредством формирования новых административно-территориальных структур – епархий, права монопольного проведения религиозной пропаганды среди инославного и инородческого населения и т.д.

² Отметим, что данную позицию Н.А. Крыжановского в отношении ОДМС не поддержали другие участники дискуссии – МВД, генерал-губернаторы Таврической и Екатеринославской губерний.

³ И. Алтынсарин возглавил в Тургайской области процесс открытия русско-киргизских волостных и аульных школ и по праву считается первым просветителем казахского народа.

References

1. Arapov D.Yu. *Rossiya i musul'manskij mir* [Russia and the Muslim world]. Moscow: Tip. A. Transhelya, 2003, vol. 7 (155), 327 p. (in Russian).

2. Arapov D.Yu. *Musul'manskij mir v vospriyatii verhov Rossijskoj imperii* [The Muslim world as perceived by the upper echelons of the Russian Empire]. Moscow, 2005, no. 4, pp. 132–137 (in Russian).
3. Arapov D.Yu. *Imperatorskaya Rossiya i musul'manskij mir (konec XVIII – nachalo XX v.)* [Imperial Russia and the Muslim World (late 18th – early 20th centuries)]. Moscow: Natalis, 2006, 479 p. (in Russian).
4. Kappeler A. *Dve tradicii v odnosheniyah Rossii k musul'manskim narodam Rossijskoj imperii* [Two traditions in Russia's relations with the Muslim peoples of the Russian Empire]. Moscow: Nauka, 2003, no. 2, pp. 129–136 (in Russian).
5. Landa R.G. *Islam v istorii Rossii* [Islam in the history of Russia]. Moscow: Izd. firma "Vost. lit.", 1995, 311 p. (in Russian).
6. L'vov V.N. *Pravovoe polozenie cerkvi pravoslavnoj v russskom gosudarstve* [The legal status of the Orthodox Church in the Russian state]. St. Petersburg: Gos. tip., 1914, 36 p. (in Russian).
7. Lysenko Yu.A., Lysenko M.F. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Altai State University]. Barnaul, 2016, pp. 109–112 (in Russian).
8. Moiseev V.A. *Rossiya i Kitaj v Central'noj Azii* [Russia and China in Central Asia]. Barnaul: Azbuka, 2003, 187 p. (in Russian).
9. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archive]. Fund 733. Inventory 170. File 726. Fols. 2, 5(v.), 6, 7, 10, 11(v.) (in Russian).
10. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives]. Fund 733. Inventory 172. File 246. Fol. 267(v.) (in Russian).
11. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives]. Fund 821. Inventory 8. File 611. Fols. 7(v.)–11, 9–9(v.), 39–40, 155, 156(v.) (in Russian).
12. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives]. Fund 821. Inventory 8. File 616. Fols. 2, 8., 9(v.), 11, 11(v.), 17(v.), 18–18(v.), 50, 55, 57(v.), 111(v.), 115 (in Russian).
13. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv* [Russian State Historical Archives]. Fund 1291. Inventory 82. File 6. Fol. 1 (in Russian).
14. Safonov A.A. *Gosudarstvo i Cerkov' v imperskoj Rossii: pravovye aspekty vzaimootnosheni* [State and Church in Imperial Russia: Legal Aspects of Relations]. Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo torгово-ekonomicheskogo universiteta, 2011, pp. 28–40 (in Russian).
15. Tihonov A.K. *Katoliki, musul'man i iudei Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII – nachala XX v.* [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the last quarter of the 18th – early 20th century]. St. Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2007, 352 p. (in Russian).
16. Usmanova D.M. *Rossijskie musul'mane v pravovom prostranstve imperii: sootnoshenie obshcheimperskogo i musul'manskogo prava v gosudarstvennoj doktrine na rubezhe XIX–XX vv.* [Russian Muslims in the Legal Space of the Empire: Correlation of General Imperial and Muslim Law in State Doctrine at the Turn of the 19th – 20th Centuries]. Moscow: RUDN, 2004, pp. 34–47 (in Russian).

Submitted for publication: September 24, 2021.

Accepted for publication: January 17, 2022.

Published: March 29, 2022.